

© 2011 г. П. С. СТЕФАНОВИЧ*

«БОЛЬШАЯ ДРУЖИНА» В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Термин «большая (или государственная) дружина» предложил в 1960-х гг. чешский историк Франтишек Граус. Подразумевался особый вид дружинной организации, характерный для раннего государства в Чехии и Польше, – дружина правителя, отличавшаяся многочисленностью по сравнению с дружинами разного рода вождей и знатных людей. Эта дружина, по мнению Грауса, выросла из «классической» дружины до- или предгосударственного периода (того типа, который был описан Тацитом в сочинении «Germania», главы XIII–XIV) и сохраняла главные ее черты, т.е. была объединением воинов под началом предводителя, который брал на себя их содержание и правовую защиту. Принципиальным отличием «большой дружины» была именно ее многочисленность. Но за этой ее чертой стояла важная особенность раннегосударственных политических образований – содержать такую дружину можно было только за счет «сверхдоходов», которые доставляли, как правило, грабительские походы в соседние регионы и обложение подчиненного населения данью. «Большие дружины» были, по Граусу, главным инструментом правителей чешского и польского государств X – начала XI в. для подчинения населения и укрепления власти. По-чешски историк называл этот тип дружины «velkodružina», а в публикации на немецком языке он использовал слово «Staatsgefolge»¹.

Как на наиболее яркое свидетельство о «большой дружине» Граус указывал на сообщение арабо-еврейского путешественника Ибн Якуба, который посетил Германию и Чехию в середине 960-х гг. и оставил записки о путешествии. В записках, среди прочего, рассказывается о Польше и особенно отмечается мощный и многочисленный военный корпус в распоряжении Мешка I, первого исторически достоверного правителя Польши (года правления: около 960–992). Согласно Ибн Якубу, Мешко содержал за счет податей со своих подданных 3 тыс. тяжеловооруженных воинов, которые были разделены на некие «отряды». Помимо ежемесячных денежных выплат, согласно Ибн Якубу, князь «дает этим мужам одежду, коней, оружие и все, что им потребуется. И когда у кого-то из них родится ребенок, тотчас по рождении он (Мешко) приказывает выплатить ему деньги, будет ли ребенок мужского или женского пола. Когда ребенок достигнет совершеннолетия, то он женит его, если это мужчина, и выплачивает за него свадебный подарок (вено) отцу девушки. Если же это женщина, то он выдает ее замуж и выплачивает вено ее отцу»².

3 тыс. – это скорее всего преувеличенная цифра, но то, что количество дружинников Мешка достигало тысячи и более человек, подтверждают и некоторые другие данные. Подтверждение этому видят, в частности, в сообщении «Хроники польской» Галла-Анонима о численности войск Болеслава Храброго, сына Мешка (года правления: 992–1025), который успешно продолжил объединительную и завоевательную политику, начатую отцом. Польский хронист, прославляя Болеслава и его победы и отмечая мощь польского войска в то время, указал, что князь «в Познани имел 1 300 рыцарей (logicati milites) с 4 тыс. щитников (clipeati milites), в Гнезно – 1 500 рыцарей и 5 тысяч щитников, в городе Влоцлавке – 800 рыцарей и 2 тысячи щитников,

---

* Стефанович Петр Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

в Гдече – 300 рыцарей и 2 тысячи щитников»³. В историографии ведутся споры по поводу того, какие именно воины составляли эти 3 900 *loricati milites* (тяжеловооруженные) и 13 тыс. *clipeati* (легкая пехота), по какому поводу был составлен этот реестр и каким образом он оказался в распоряжении Галла, писавшего во втором десятилетии XII в., но в целом польские историки с теми или иными поправками или оговорками относятся к сообщению с доверием⁴.

В известиях Ибн Якуба и Галла помимо приблизительного соответствия в численности военных сил (3 тыс. тяжеловооруженных воинов у первого и 3 900 – у второго) надо отметить еще одну аналогию: арабский путешественник упоминал об «отрядах», на которые поделены воины Мешки, а польский хронист размещает всех *milites* по нескольким городам. Эти города были главными опорными пунктами раннепьястовской монархии, и в сопоставлении с археологическими свидетельствами эти упоминания позволяют говорить о системе размещения воинов, бывших на службе и содержании князя, гарнизонами по разным городам⁵.

Понятие «большой дружины» прочно вошло в чешскую историографию. В уточненном виде чешские медиевисты Д. Тжештик и Й. Жемличка использовали его в предложенной ими «среднеевропейской модели» государства высокого средневековья⁶. По их мнению, эта «модель» сформировалась в Польше, Венгрии и Чехии к середине XI в. в результате кризиса первоначальных государств трибуртарного типа (т.е. построенных на основе взимания дани с покоренных племен и народов)⁷, одним из главных элементов которых были как раз «большие дружины». Содержание «большой дружины» было весьма обременительным и окупалось только в условиях постоянных внешних завоеваний, способных обеспечить многочисленный контингент профессиональных воинов. Как только возможности завоеваний исчерпывались, следовал кризис этой системы и даже, возможно, всего государства. Этот кризис видят в смутах начала XI в. в Чехии и чуть позже в Польше и Венгрии⁸. После кризиса правители уже не содержали «больших дружин» (хотя какие-то группы воинов или военных слуг в их прямом «личном» подчинении сохранялись) и опирались главным образом на знать, представители которой держали свои дружины, клиентелы, вассалов и т.п.

Идея Грауса о «большой дружине» (как и «среднеевропейская модель» Тжештика и Жемлички) воспринята и в польской историографии⁹. Польские историки, правда, делают акцент на практике размещения княжеской дружины по городам (гарнизонами) и называют такую дружину не «большая», а «*drużyna goźproszona*» или «*rozłokowana*» («рассеянная») или «*dalsza*» (дальняя)¹⁰. Идея Грауса находит подтверждения не только на польском и чешском материалах, но и на скандинавском и даже раннесредневековом западноевропейском¹¹.

В историографии не предпринимались попытки применить понятие «большая дружина» к древнерусской истории, за исключением недавней работы Е. А. Шинакова, который допускает существование многочисленных княжеских («больших») дружин на Руси с 960-х до 1030-х гг. Однако рассуждения историка в развитие этого тезиса носят чисто гипотетический характер. Конкретно он ссылается только на указания источников о концентрации в руках Святослава Игоревича значительных финансовых средств (добытых военными походами), которые теоретически позволяли бы князю содержать «большую дружину»¹². Эти указания можно расценивать как свидетельство о возможности содержания «большой дружины» (наличие «сверхдоходов»), но доказательством ее существования их воспринимать нельзя. Далее приводятся некоторые данные, которые, на мой взгляд, служат таким доказательством.

Древнейшим известием об особой дружине правителя, отличающейся по размерам и статусу от дружин других знатных и могущественных людей, должно считаться сообщение арабского дипломата Ибн Фадлана, который посетил в 922 г. Волжскую Булгарию и описал свои путешествие и пребывание в столице булгар в сравнительно пространным и подробном повествовании. Значительную часть его «Записки» составляет знаменитое описание «русов», которых арабский путешественник видел в Булгарии. Рассказывая о нравах руси, арабский писатель в конце своего рассказа сообщает, что у

них есть свой суверенный правитель («царь»). «Один из обычаев царя русов, – пишет Ибн Фадлан, – тот, что вместе с ним в его очень высоком замке постоянно находятся четыреста мужей из числа богатырей, его сподвижников, причем находящиеся у него надежные люди из их числа умирают при его смерти и бывают убиты из-за него [или: подвергают себя смерти из-за него]. С каждым из них [имеется] девушка, которая служит ему, моет ему голову, и приготовляет ему то, что он ест и пьет, и другая девушка, [которой] он пользуется как наложницей в присутствии царя. Эти четыреста [мужей] сидят, а ночью спят у подножия его ложа». «Царь русов» проводит все время сидя на высоком троне или ложе и предаваясь всяческому удовольствиям и развлечениям (у него самого 40 наложниц), а все дела ведет некий его «заместитель»¹³.

В литературе уже неоднократно высказывались сомнения, можно ли верить этому рассказу¹⁴. Ибн Фадлан приводит его, очевидно, с чужих слов, поскольку сам он был только в Булгарии и видел только купцов из руси, прибывших туда по Волге. В сообщении о ничего не делающем правителе и реально правящем заместителе явственно просматривается аналогия с политическим устройством Хазарии, где, действительно, приблизительно таким образом распределялись функции между каганом и каган-бегом¹⁵. По поводу верных «богатырей», умирающих вместе со своим господином, А. П. Ковалевский заметил, что этому сюжету находят многочисленные аналогии в «рассказах арабоязычных писателей о народах юго-восточной Азии, где описано “самоубийство вслед”» правителю его приближенных и где фигурируют похожие цифры – 300 или 400 слуг-«самоубийц». С этими рассказами Ибн Фадлан «несомненно так или иначе был знаком»¹⁶.

Вероятнее всего, в данном случае мы имеем дело с каким-то смешением достоверной информации и ходячих образов и сказаний, но трудно сказать, в какой именно пропорции. Хорошо известно, что Русь в IX–X вв. испытывала сильное и разностороннее влияние Хазарии, в частности ее правители присвоили себе хазарский титул «каган». Не было бы ничего странного в том, что и в политическом устройстве русь подражала хазарам (в связи с разделением функций кагана и бека в литературе уже указывалось на пару князь – воевода¹⁷). Обычай (само)убийства слуг после смерти своего господина, существовавший среди руси в IX–X вв., подтверждается сообщениями других арабских писателей и археологическими данными¹⁸.

Но во всяком случае, даже если верить известию о службе «царю русов» каких-то особых «богатырей», ввиду указаний Ковалевского об аналогиях в арабской литературе принимать на веру сообщение об их точном числе было бы неосторожно. Ограничимся лишь предположением, что во времена Ибн Фадлана (920-е гг.) у правителя руси был в распоряжении некий отряд воинов, отличавшийся чем-то (возможно, численностью или особым этосом) от подобных военно-служебных объединений в подчинении других богатых и влиятельных людей (или кланов) из руси (поэтому какие-то сведения или слухи о его существовании и дошли до арабского путешественника). В этом отряде можно видеть зародыш или первичную форму «большой дружины».

Все прочие данные о «большой дружине» древнерусских князей можно извлечь только из летописей. К сожалению, только одно из летописных известий прямо сообщает о ее численности. Вместе с тем оно довольно ясно и однозначно по содержанию и, главное, написано бесспорно современником, а значит его информацию можно оценивать как надежную. Имеется в виду известный рассказ «Повести временных лет» (ПВЛ) под 6601 (1093) г. о вокняжении Святополка Изяславича в Киеве после смерти его дяди Всеволода Ярославича и его первых попытках противостоять половцам. Автор рассказа выставляет действия Святополка необдуманными и противопоставляет им мнение киевских «мужей смыслених» во главе с Янем Вышатичем (информатором летописца). Святополк, в частности, как замечает летописец, заточил половецких полков, «не здумавъ с болшею дружиною отнею и строя своего, но свѣтъ створи с пришедшими с нимъ». Святополк, таким образом, советовался с теми боярами, которые пришли с ним из Турова (где он сидел до прихода в Киев), а не с боярами его отца Изяслава и его дяди Всеволода, которые остались в Киеве и стали служить Святополку.

В изложении следующего эпизода с разногласиями Святополка и киевских бояр содержится важное для нас указание. Святополк начал «сбирати вое» (т. е. воинов) для войны с половцами, а «мужи смыслении» стали отговаривать его от войны, ссылаясь на недостаток собранных военных сил: «яко мало имаши вои». Святополк же на это им возразил: «имею отрокъ своих 700, иже могут противу имъ стати». «Друзии несмыслении» стали подталкивать князя к войне, и только следующая речь киевских бояр заставила его обратиться за помощью к Владимиру Мономаху (двоюродному брату Святополка): «аще бы пристроилъ и 8 тысячь, не лихо то есть, наша земля оскудѣла есть от рати и от продажъ. Но послися к брату своему Володимеру, да бы ти помогль»¹⁹.

Д. С. Лихачев переводит эту речь бояр на русский язык следующим образом: «Если бы выставил их и 8 тысяч, и то было бы худо: наша земля оскудела от войны и от продаж»²⁰. Слово «лихо» Лихачев понимает как «худо, зло», и ему приходится опускать как лишнее отрицание «не» при этом слове. Однако есть возможность интерпретировать текст без предположения о какой-то порче в сохранившихся летописных списках. Правильнее представляется понимание текста, предложенное Л. Мюллером, который исходит из того, что «лихо» здесь употреблено в значении «чересчур, очень много» (ср: «слишком», «лихва» и т.д.)²¹. Следуя его трактовке, перевожу фрагмент так: «Если бы ты выставил и 8 тысяч, это было бы не лишним – ведь наша земля оскудела от войны и от штрафов. Но (имеется в виду: поскольку ты этого не можешь) пошли лучше за помощью к Владимиру»²².

Текст приведен по Лаврентьевской летописи, представляющей древнейший список. Между тем в параллельном тексте по Ипатьевской летописи (за ней следуют также Радзивилловская и Академическая летописи) есть одно существенное отличие: численность отроков в словах Святополка указывается не 700, а 800 (цифрой вместо буквы «пси» «от») ²³. В литературе уже высказывалось предпочтение в данном случае в пользу варианта Ипатьевской летописи, так как цифра 800 соотносится с приведенной ниже в словах киевских бояр цифрой 8 000²⁴. Мнение это вполне справедливо. Очевидно, слова бояр приведены автором сознательно как полемический ответ на легкомысленное заявление князя, и начальная цифра 800 увеличена на порядок.

Из этого сообщения ПВЛ, таким образом, следует, что киевский князь в последнем десятилетии XI в. имел в своем распоряжении отряд «отроков» численностью в 800 человек, который он считал способным не просто вести некие военные действия, но даже противостоять половцам. Правда, эта способность «отроков» поставлена под сомнение летописцем, излагающим споры князя и киевских бояр. В словах киевских бояр выражена мысль, что 8 тыс. «отроков» и могли бы противостоять половцам, но 800 были бессильны. Сложно теперь судить, насколько самонадеянным являлся в действительности князь и насколько справедливо было возражение знати. Возможно, летописец использовал это возражение лишь как риторический прием, чтобы продемонстрировать необходимость вести скоординированные князьями действия против половцев и считаться с умудренной опытом киевской знатью. Но нет никаких оснований предполагать, что летописец – современник описанных событий – преуменьшил или преувеличил численность княжеских «отроков»; по всей видимости, их в самом деле было 800 или приблизительно столько.

Как и в свидетельствах из древней Польши и других регионов средневековой Европы, речь идет о довольно многочисленном объединении в прямом подчинении правителя и отдельно от знати. Само наименование этого объединения («отроки») говорит о том, что по своей сути оно аналогично тем отрядам и группам, которые формировали вокруг себя знатные люди. Именно отроки в домонгольской Руси обозначали военных слуг в подчинении разных лиц²⁵. Разница состояла, видимо, только (или прежде всего) в том, что княжеская дружина была многочисленнее – она была «большой».

Надо учитывать, что Святополк занимал хотя и важнейший «стол», но был далеко не единственным правителем на Руси. Вероятно, его предшественники на киевском столе, прямая власть которых распространялась на большую территорию, располагали и большими возможностями в содержании военных слуг. В особенности это должно

относиться к Владимиру Святославичу (Святому), который единовластно распоряжался всеми землями, поделенными впоследствии между его потомками, и к Ярославу Мудрому, который в конце жизни распоряжался почти всеми землями, кроме Полоцкой. Таким образом, теоретически надо предполагать численность «больших дружин» Владимира и Ярослава в бытность их киевскими князьями больше 800 человек – возможно, до 1–1.5 тыс. человек. В подтверждение этих предположений отрывочные летописные известия дают лишь косвенные данные.

Одно из таких косвенных свидетельств можно видеть в несколько странном на первый взгляд известии летописи о наложницах Владимира Святославича, которые тот имел, будучи еще язычником, «побѣженъ похотью женскою». Это известие содержится в летописных списках, имеющих в составе ПВЛ, а также в Новгородской первой летописи младшего извода, донесшей свод, который предшествовал ПВЛ и который А. А. Шахматов назвал «Начальным» и датировал серединой 1090-х гг. Согласно этому известию, у Владимира были «водимыя» жены числом 5, а также «и наложницъ бѣ у него 300 въ Вышегородѣ, а 300 в Бѣлѣгородѣ, а 200 на Берестовомъ селищи, еже зовут нынѣ Берестовое»²⁶. Шахматов относил этот отрывок к особой повести о крещении Руси, которую он называл «Корсунской легендой» и которая была вставлена в летопись только в «Начальном своде». Текст в этом месте, действительно, неоднородный и обнаруживает следы редакторской правки, однако отрывок о женах и наложницах выдает скорее черты первоначальности, и во всяком случае в пользу связи его с «Корсунской легендой» Шахматов выдвигал лишь чисто теоретические соображения²⁷, которые еще Лихачев назвал «малоубедительными»²⁸.

Если воспринимать текст буквально, он вызывает сразу несколько недоуменных вопросов: во-первых, неясно противопоставление 5 «водимых» жен и наложниц – допустим, можно было бы выделить одну жену как «главную» и «любимую», но чем отличались остальные 4 от прочих наложниц? Во-вторых, непонятно, зачем Владимиру надо было держать наложниц в разных других поселениях, а не в Киеве. Наконец, удивление вызывает и общее число наложниц Владимира в 8 сотен: при всем уважении к мужским способностям крестителя Руси трудно представить себе, что он мог воспользоваться услугами всех их, рассредоточенных по разным городам, в течение хотя бы года. Неужели князь тратил, как можно догадываться, значительные средства на содержание такого штата лишь для удовлетворения собственных страстей и амбиций? Это был бы пример бесподобный в истории средневековой Европы и сравнимый лишь с легендарными образами, например, библейского царя Соломона, который якобы имел 700 жен и 300 наложниц и которого вспомнил летописец в связи с этим известием²⁹.

Поскольку буквальное прочтение текста наталкивается на трудности, ученые предпочитали понимать его как риторическое преувеличение, может быть, отталкивающееся как раз от библейского рассказа о Соломоне. Между тем интерпретации летописного известия о наложницах в таком духе противоречат его конкретные детали – и сами цифры (в Библии 700 жен и 300 наложниц; здесь же, соответственно, 5 и 800, и наложницы разделены на 3 группы), и указания на населенные пункты, где содержались наложницы. В пользу того, что в летописи все-таки представлены достоверные реалии, а не риторические фигуры, недавно высказался А.В. Коптев. Он обратил внимание на то, что указанное в летописи количество наложниц Владимира совпадает с тем, какое получается из указания Ибн Фадлана в приведенном выше рассказе о «богатырях» в окружении «царя русов»: согласно арабскому писателю, у каждого из этих 400 «богатырей» было по две «девушки» (одна ухаживает, другая удовлетворяет сексуальные потребности) – всего, значит, те же 8 сотен. Кроме того, он заметил, что Вышгород, Белгород и Берестово представляли собой укрепленные центры вокруг Киева, которые принадлежали к своего рода «домену» киевских князей и которые более всего подходили бы для того, чтобы разместить в них дружину. Эти наблюдения привели историка к выводу, что в летописном сообщении надо видеть на самом деле отражение практики снабжения княжеских дружинников женами или наложницами³⁰.

На мой взгляд, есть все основания согласиться с этим выводом Коптева. Очевидно, летописец ошибочно назвал «наложницами» Владимира жен или наложниц его дружинников, а сам князь имел на самом деле, как и было положено «нормальному» языческому правителю того времени, просто несколько жен (5, если верить летописцу). В пользу такого понимания летописного известия говорит и сопоставление его с информацией Ибн Якуба о войнах польского князя Мешки I. Ибн Якуб сообщает, что князь берет на себя не только заботы о пропитании, одежде и вооружении своих «мужей», но и платит им деньги за рождение детей, а затем устраивает браки их детей, т.е. контролирует их личную жизнь. Не забудем и упоминание Галлом о размещении дружины Болеслава в нескольких городах. Примечательно также и совпадение числа «девушек» в рассказе Ибн Фадлана и числа Владимировых наложниц. Вспомним, что и в упоминании ПВЛ отроков Святополка Изяславича тоже фигурирует цифра 800 (хотя это число дружинников, а не их жен или наложниц). Вряд ли все эти совпадения случайны. Можно еще сомневаться в точности данных Ибн Фадлана, но соответствие двух летописных известий (принадлежащих, по всей видимости, перу разных авторов) трудно объяснить иначе, чем отражением одного реального факта. Этим фактом было наличие у киевских князей по крайней мере со времен Владимира (а если верить Ибн Фадлану, то и значительно раньше) до конца XI в. «большой дружины».

Вместе с тем летописное известие о «наложницах» Владимира свидетельствует об определенной трансформации этой дружины. Ведь автор, сообщая о самом факте проживания женщин в киевских пригородах, совершенно превратно его истолковал – для летописца это было свидетельством не о дружине киевского князя, а его «похоти» (ставшей позднее уже, видимо, легендарной). Это говорит о том, что во времена летописца личные и семейные дела княжеских отроков-дружинников устраивались совсем иначе, нежели в конце X в. Возможно, менялась и ее численность. Достоверно мы знаем только численность отроков Святополка. Выяснив, что 800 «наложниц» в Вышгороде, Белгороде и Берестовом принадлежали не Владимиру, а его дружине, мы, однако, не можем быть уверенными в том, что эта цифра отражает ее численность: даже если отвлечься от сообщения Ибн Фадлана, что у одного «богатыря» было две «девушки», ничто не обязывает нас считать, что летописец указал *все* места проживания дружинников и их «наложниц» – ему могли быть известны только эти 3 места, а вообще нельзя исключать, что гарнизоны, которые составляли «большую дружину», размещались и в других городах Руси.

Еще одно свидетельство о «больших дружинах» в распоряжении древнерусских князей, позволяющее рассуждать о численности этих дружин, – это известное летописное сообщение о «гридах» Ярослава, сына Владимира, которых он держал в Новгороде. С этого сообщения начинается летописный рассказ о смуте, разразившейся после смерти Владимира Святославича. Под 6522 (1014) г. в летописи говорится, что незадолго до смерти Владимира Ярослав, пребывавший в Новгороде, отказался предоставлять причитающиеся с него деньги в Киев отцу: «Ярославу же живущу в Новѣгородѣ и урокомъ дающе дань Киеву 2 000 гривен от года до года, а тысящу Новѣгородѣ гридемъ раздаваху, и тако даяху вѣси князи новгородстии, а Ярославъ сего не даяше къ Киеву отцу своему»³¹. Из этого сообщения следует, что из собираемой в Новгороде дани Ярослав тысячу гривен тратил на содержание своих «гридей». Словом «гридь» (заимствованном из древнескандинавского языка) в Древней Руси обозначали воинов-дружинников, и гридами могли обозначаться те же военные слуги князя, которые назывались и отроками³². Речь идет, таким образом, о той же княжеской «большой дружине». Только в данном случае такую дружину содержит не киевский князь, а его сын, наместничавший в следующем после Киева по значению городе Древней Руси.

Указание суммы, которую тратил Ярослав на содержание своей дружины, позволяет, пусть и приблизительно, прикинуть число людей, входивших в нее. Отталкиваясь в этих расчетах можно от имеющихся данных о жалованье наемных воинов в Восточной Европе в X–XI вв. Такого рода свидетельств у нас 2: одно происходит из Скандинавии, другое – из Византии. Скандинавское свидетельство уже сопоставлялось историками

с приведенным рассказом о Ярославовых гридях. Имеется в виду сообщение исландской «Саги об Эймунде» о службе у Ярослава скандинавских наемников³³. В этой саге рассказывается, как знатный норвежец Эймунд нанялся со своими людьми на службу к «конунгу Ярицлейву», т.е. князю Ярославу, и какие события происходили с ним в «Гардариках», т.е. на Руси. Несмотря на ряд легендарных черт и путаницу в сведениях, сага, дошедшая до нас в записи конца XIV в., содержит и достоверные данные, в частности, как считают специалисты, и касающихся договора, который заключил Эймунд с Ярославом относительно своей службы. В данном случае наиболее интересно условие оплаты службы нанятых норвежцев: каждый из них должен был получать по эйриру серебра в год, а кормчий корабля – полтора эйрира. Это было собственно жалованье, выдававшееся помимо обеспечения жилья и пропитания. Эйрир – скандинавская весовая единица, равная $\frac{1}{8}$ марки, т.е. около 27 г. Этот вес составлял приблизительно половину древнерусской серебряной гривны³⁴.

Е. А. Мельниковой, специально разбиравшей данные саги, этот «размер денежного вознаграждения представляется вполне реальным»³⁵. Однако сама же исследовательница признает, что эта сумма была все-таки «не слишком большой». Действительно, полгривны (десяток дирхемов) – это сравнительно небольшая ценность для домонгольской Руси. Для сравнения можно вспомнить сообщение того же Ибн Фадлана, что богатство отдельных «руссов» могло составлять десятки тысяч дирхемов³⁶, или свидетельство Русской Правды о суммах штрафов: штрафы в треть и половину гривны были минимальными (взимались за мелкие кражи, например, за кражу домашней птицы³⁷).

Сомнения в известии «Саги об Эймунде» усиливаются, если сопоставить его с данными об оплате наемников – тех же скандинавов и руси – при дворе византийских императоров в X–XI вв. Правда, данные эти отрывочны и скудны, и по ним нельзя составить полного представления о византийской системе вознаграждения профессиональных воинов, потому что она была довольно сложна, будучи в высокой степени коммерциализированной. Например, известно, что прежде чем быть зачисленным на службу императору Византии, наемному воину приходилось внести определенную сумму в казну в качестве своего рода «страхового взноса»; в итоге выходило, что жалованье, которое он позднее, при условии исправной службы, получал, уже не было его чистым заработком и оно возмещало в какой-то своей части его собственные средства, потраченные сначала. Кроме того, судя по всему, предполагалось также, что из жалованья надо было самостоятельно покрывать и расходы на жилье, пропитание и экипировку (по крайней мере, частично). Как бы то ни было, суммы, которые упоминаются в византийских источниках как выплаты наемникам, весьма существенно отличаются от того, о чем говорит сага. Так, по расчетам историков, предпринятым по данным трактата Константина Багрянородного «De Ceremoniis», годовое жалованье одного члена корпуса наемных «росов», задействованного в кампании 911 г., составляло в среднем около 10 номисм, а в 949 г. – около 28 номисм³⁸.

Номисма – золотая монета в 4–4.5 г., которая равнялась по стоимости (в зависимости от курса золота к серебру) приблизительно одной гривне. Получается, наемник византийского императора должен был получать в десятки раз больше наемника новгородского или киевского князя. Конечно, надо учитывать и указанные выше особенности оплаты труда наемников в Византии, и то, что расходы чужестранца в Византии, а особенно в Константинополе, были гораздо выше, чем на Руси. Естественно было бы и в принципе считать, что служба в Византии являлась более доходной, чем на Руси. Но все же такой сильный разрыв трудно допустить. Учитывая большую достоверность византийских данных, сообщение «Саги об Эймунде» о том, что один эйрир серебра составлял годовое жалованье наемного норвежца в Новгороде эпохи Ярослава Мудрого, надо расценивать как недоразумение. Если все-таки отталкиваться от цифры, донесенной сагой, то можно предположить, что изначально имелась в виду плата не за год службы, а только за месяц. Ведь именно о месячном жалованье говорит Ибн Якуб в рассказе о «мужах» Мешка I. Тогда годовое жалованье составило бы 12 эйриров или 6 гривен серебра. Эта сумма уже значительно лучше сочетается с цифрами Констан-

тина и других византийских источников, и разрыв из невероятного превращается во вполне правдоподобный.

Сопоставим данные о жалованье наемникам с летописным сообщением о дани, собираемой Ярославом с Новгорода. Едва ли гриди Ярослава получали меньше, чем наемные скандинавы, но и сильно больше они не могли получать – существовали, вероятно, некие общепринятые нормы оплаты профессионального военного «труда» (с учетом региональной специфики, конечно). В сообщении речь идет о годовой дани, значит, жалованье было годовым. Отталкиваясь от приведенных выше данных и поправки, предложенной к саге, можно допустить, что собственно жалованье одного гридина Ярослава составляло около 6 гривен или несколько больше, но все-таки никак не более 10 (ср. 10 номисм, которые в 911 г. получали «росы»). Употребленный в летописи глагол «раздоваху» вроде бы подразумевает, что Ярослав давал деньги на руки именно как жалованье. Как и с норвежцами Эймунда, о жилье, пропитании и экипировке договаривались, видимо, отдельно. Упоминание саги о кормчем заставляет предполагать, что размеры жалованья могли быть выше для командного состава. В итоге можно предположить, что на тысячу гривен Ярослав мог содержать около 100–150, максимум 200 военных слуг. Если такое число дружинников содержал Ярослав в Новгороде, то его отец в Киеве наверняка располагал дружиной еще более внушительной. Об этом намекает и дальнейший летописный рассказ, в котором указывается, что, как только возникла угроза войны с Владимиром, Ярослав посчитал необходимым, «пославъ за море», привести еще варягов³⁹ (т.е. собственно наемников – тех, о ком рассказывает «Сага об Эймунде»). Очевидно, собственных гридей Ярославу для борьбы с отцом не хватило бы.

Таким образом, разные летописные данные с конца X до конца XI в. сходятся между собой, свидетельствуя о наличии многочисленной («большой») дружины у древнерусских князей, которую те держали в своем непосредственном подчинении. Наибольшей численности она должна была достигать у князей Владимира и Ярослава в бытность их киевскими князьями – вероятно, в тысячу «отроков»-«гридей», а может быть, и больше. По-настоящему «большими» были дружины именно киевских князей, хотя, конечно, свои дружины содержали и другие князья Руси. Если у Ярослава в бытность его новгородским князем «под рукою» отца насчитывалось не более 150–200 военных слуг, то, наверное, приблизительно такие же цифры надо предполагать для дружин и других князей XI в., происходивших из дома Владимира Святого. Уместным здесь будет напомнить рассказ Владимира Мономаха в «Поучении» о его конфликте с Олегом Святославичем в 1093 г. Олег вынудил его покинуть Чернигов, и он уходил из города почти «въ 100 дружинѣ и с дѣтми и с женами». Здесь, правда, неясно, из кого именно состояла эта «дружина» (возможно, имелись в виду и какие-то бояре с их людьми), но все равно указание на то, что вся она составляла не более сотни человек, показательна⁴⁰.

Исходя из аналогии, представленной данными по истории древней Польши, вполне логично предположить, что именно из княжеских «больших дружин» формировались гарнизоны крепостей, важных для киевских князей в стратегическом отношении. Даже чисто теоретически трудно представить себе, что военные объединения, состоявшие из нескольких сотен человек, базировались на постоянной основе в одном месте. Понимание, принятое в польской историографии, «большой дружины» как «дружины рассеянной» (*družyna rozproszona*, см. выше) кажется вполне оправданным. В связи с сообщением о женах и наложницах Владимира тогда надо поставить летописные известия об основании киевскими князьями «градов» и «нарубании» в них «мужей» – очевидно, речь шла именно о таких гарнизонах, куда по частям размещалась «большая дружина», но откуда в случае необходимости она могла быть собрана в одно войско⁴¹.

Точную численность «большой дружины» киевского князя мы знаем в 1093 г. – 800 человек. Но это было уже, видимо, время упадка этого института на Руси. Недаром летописец устами бояра высказывается скептически о военной силе Святополковых «отроков». Эти скептические высказывания летописца можно поставить в один контекст

с обличительными высказываниями в «Предисловии» к Начальному своду, которое сохранилось (вместе с большей частью самого Начального свода) в Новгородской первой летописи младшего извода. Как предполагал Шахматов и как подтвердили новейшие исследования, автором статьи ПВЛ 1093 г. и «Предисловия» был один человек – составитель Начального свода⁴². В «Предисловии» этот автор-летописец укоряет современных ему князей и все «стадо Христово», к которому он обращается с поучением, за «несытоство» и «злые дела» и ставит им в пример «древних князей и мужей их», которые «не збираху многа имения, ни творимыхъ вирь, ни продажъ въскладаху [на] люди», но «отбараху Руския землѣ». Древняя «дружина», по словам летописца, «кормяхуся, воююще ины страны и бьющеся и ркуще: братие, потягнемъ по своему князѣ и по Рускою землѣ, [не жадяху], глаголюще: мало ми [е], княже, двусотъ гривень»⁴³.

Последними словами автор, продолжая осуждение современных ему нравов, отсылает, очевидно, к какому-то конкретному случаю недовольства княжеского человека платой, данной ему князем. У ученых это место, как и сообщение о наложницах Владимира, всегда вызывало недоумение. С одной стороны, непонятно, почему кто-то мог остаться недовольным такой внушительной суммой (200 гривен). С другой стороны, поскольку речь идет о «дружине» и сумма столь велика, напрашивается вывод, что имелся в виду какой-то боярин. Но тогда выглядит странным, что он получает от князя плату – обычно бояре вознаграждались кормлениями или имуществом, но не выплатами наличными. Удивительно было бы также, если бы летописец позволил себе такие филиппики в адрес кого-то из боярства (судя по всему, киевского).

Важный шаг к объяснению этого места сделал А. А. Гиппиус, который, решив ряд непростых вопросов истории текста «Предисловия» и предложив реконструкцию его первоначального вида, предположил, что указание на сумму (200 гривен) является ошибочным⁴⁴. Как и в случае расхождения Лаврентьевской и Ипатьевской летописей в сообщении о числе отроков Святополка, надо предполагать искажение в буквах, которыми в древнерусском письме передавались цифры (т.е. в цифири). Буква «с», которой обозначалась цифра 200, могла легко появиться по ошибке на каком-то этапе переписывания древних рукописей из первоначальной «о» или «е», которые обозначали, соответственно, цифры 70 и 5 (подобные примеры в древнерусской палеографии известны). 70 гривен – это все равно сумма слишком большая для выплат дружинникам. Более реальной выглядит цифра в 5 гривен, которая оказывается очень близка сумме годового жалованья, вычисленной выше предположительно в отношении норвежских наемников Ярослава Мудрого. Это приводит нас к выводу, что тот княжеский человек, недовольство которого послужило летописцу примером «несытоства», имел в виду годовое жалованье, которое ему предлагал князь. А на жалованье жили, как было выяснено, прежде всего военные слуги князя, его отроки или гриди, т.е. члены «большой дружины».

Этот вывод делает понятной контекст и направленность обличений автора «Предисловия». Как было ясно из его рассказа о событиях 1093 г., он сомневался в военных способностях многочисленных княжеских «отроков». Будучи осведомлен о недовольстве одного из них своим жалованьем, он сослался на этот пример в поучении, где противопоставлял «нежадных» «мужей» древности современным алчным дружинам. Насколько обоснованы были эти воззрения летописца, судить уже трудно. Но если исходить из размера жалованья скандинавских наемников Ярослава в 6 гривен, то, вообще говоря, недовольство кого-то из отроков Святополка жалованьем в 5 гривен не станет удивлять.

Сопоставление известия статьи 1093 г. и «Предисловия» к Начальному своду позволяет предположить, что существование «большой дружины» стало в конце XI в. осознаваться как некая общественная проблема. Содержание ее обходилось, видимо, недешево, результат ее действий удовлетворял не всегда, а со временем стало нарастать напряжение между ее членами, жившими за счет «казенных» выплат, и потомственной знатью, претендовавшей на контроль над «государственными» финансами. Из летописного рассказа о последних годах правления Всеволода Ярославича и начале киевского

княжения Святополка со всей очевидностью вытекает, что ведущая роль не только в политической сфере, но и в военном отношении тогда принадлежала знати, выступающей в летописи то под именем «первой дружины», то как «мужи смыслени», то как «бояре всей земли». Все это заставляет говорить о кризисе «большой дружины».

В середине – второй половине XII в., когда государство Киевской Руси распалось на около полутора десятков фактически независимых земель-княжеств, следов «большой дружины» уже не видно. Боярство развилось в такой класс, военная мощь которого уже превосходила возможности архаической «большой дружины». Кроме того, князья, правившие этим княжествами, не могли содержать такие крупные военные объединения. Слово «отрок» в социальном значении в XII в. употребляется чаще по отношению к боярским слугам (в княжеском окружении их место занимают «детские»), а к середине XIII в. исчезает⁴⁵. Боярские военные слуги выступают теперь иногда под обозначением «полки». Это обозначение используется, например, в летописном рассказе о конфликте галицких бояр с их князем Владимиром в 1188–1189 гг. Весьма показательно в этом рассказе противопоставление княжеских и боярских сил: бояре собрали «полки своя», а князь, неспособный им противостоять, бежал со своей личной (очевидно, немногочисленной) «дружиною»⁴⁶.

Князья XII–XIII вв., конечно, сохраняли в своем распоряжении некоторое количество преданных слуг, на которых они могли положиться и которые при случае могли защитить их от бояр или горожан, но круг этих лиц был довольно узким. Называться они могли по старинке «отроками» или «дружиной», но появились и новые термины – «детские», «милостники» и «дворяне». Об их численности приходится догадываться лишь по косвенным данным. Так, новгородские летописи в XII–XIV вв. упоминают при князьях, приходивших в Новгород по призыву веча, «дворян»⁴⁷. Судя по тому, что эти дворяне всегда упоминаются при князе, перемещаются вместе с ним (причем в полном составе – по словам летописи: «съ всемъ дворомъ своимъ»⁴⁸), помещаются все или в большинстве своем на княжеском дворе, их численность не могла превышать нескольких десятков человек. Одно известие Галицко-Волынской летописи упоминает отроков в окружении Даниила Романовича, тогда князя галицкого и владимирово-волынского. Рассказывая о подготовке Даниилом похода на Перемышль в 1231 г., летописец сообщает, что галицкие бояре лишь притворно поддерживали князя, а фактически он, готовясь к походу, собирал вече в Галиче, «оставышуся въ 18 отрокъ вѣрнихъ и съ Дѣмьяномъ тысячкымъ своимъ»⁴⁹. В данном случае вся совокупность военных слуг князя составляет всего лишь 18 человек. Правда, это были времена, сложные для Даниила, когда он не располагал полновластно Галицкой землей, а значит, его источники дохода были ограничены. В другие времена, когда его власть твердо укрепилась и над Владимиро-Волынским, и Галицким княжествами, численность его «отроков» и «слуг», наверное, была несколько больше.

В XII в. и позже князья должны были так же, как и прежде, держать так называемые засады в городах – гарнизоны. Из летописных данных неясно, в каких именно городах стояли такие «засады» и насколько они были многочисленны⁵⁰. Но состояли они, очевидно, из людей, находившихся на военной службе постоянно, которые получали жалованье или небольшие земельные наделы по централизованной (княжеской или (в Новгороде) республиканской) системе обеспечения. В этом смысле эти гарнизоны можно рассматривать как своего рода отголосок «большой дружины».

Как показывает обобщение данных о «больших дружинах» в средневековой Европе, первоначально они создавались (вероятно, вполне сознательно) в качестве средства построения политической общности, крепящим элементом которой являлся сбор дани. Либо сами эти дани, либо какие-то особые источники доходов, обеспечить которые и была призвана «большая дружина», и были основным источником ее содержания. Эти политические образования, представляя собой конгломерат областей и общностей, связанных лишь выплатой дани одному центру, не могли быть долговечны. Как только возможности внешних завоеваний или эти особые источники «сверхдоходов» иссякали или переставали быть доступными, содержание «большой дружины» ложилось более

тяжелым бременем на тех, кто уже был подчинен, и здесь сказывались и недовольство местных элит, и неразвитость централизованного аппарата контроля и принуждения. Получить большие суммы, и при этом в определенный срок, было уже трудно, и надо было либо находить другие способы оплаты дорогостоящего «труда» воинов-профессионалов (например, наделять их землей), либо отказываться от их услуг. Кризисы приводили к отказу от первоначальной «трибутарной» системы подчинения и эксплуатации. Если эта первоначальная система крепилась во многом на силовом превосходстве и принуждении (обеспечиваемом «большой дружиной»), то после кризиса существенно большую роль для сохранения политического единства должны были играть интересы взаимной выгоды и договорно-согласительные механизмы. Правитель вынужден был сокращать до минимума свою личную охрану-«дружину», а основное значение в военном отношении переходило к знати с ее вассалами и клиентами и к наборам свободного или полусвободного населения.

Кризис «трибутарной» системы не был на Руси столь ярко выражен, как в Польше и Чехии, потому что размеры и ресурсы «империи Рюриковичей» были огромны и процесс «окняжения» слабо освоенных территорий продолжался и в XII в., и позднее. Речь шла не столько об исчерпании «сверхдоходов» (хотя с прекращением походов на Византию и денежных поступлений оттуда эти доходы должны были понизиться), сколько о подъеме значения знати (боярства) и распаде центральной политической власти в силу центростремительных тенденций.

Примечания

¹ *Graus F.* Raně středověké družiny a jejich význam při vzniku států ve střední Evropě // Československý časopis historický. R. XIII (1965). С. 4–5 и след. Ср.: *idem.* Die Entstehung der mittelalterlichen Staaten in Mitteleuropa // *Historica*. Т. X. Praha, 1965. С. 39–46.

² Классический перевод записок Ибн Якуба: *Relacja Ibrāhīma Ibn Ja'qūba z podróży do krajów słowiańskich w przekazie Al-Bekrīego*, wydł T. Kowalski // *Monumenta Poloniae historica*. Seria II. Т. I. Kraków, 1946. С. 50. Ср. новый перевод на английский: *Mishin D.* Ibrahim Ibn-Ya'gub at-Turtushi's Account of the Slavs from the Middle of the Tenth Century // *Annual of medieval studies at CEU [Central European University, Budapest]*. Vol. 2 (1996). С. 184–191. Ср. также об Ибн Якубе, его путешествии и записях: *Мишин Д.Е.* Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее Средневековье. М., 2002. С. 33–37.

³ I, 8: *Galli Anonymi Cronicae et gesta ducum sive principum Polonorum*, ed. K. Maleczyński // *Monumenta Poloniae historica*. Seria II. Т. II. Warszawa, 1952. С. 25–26. Русский перевод: Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских. Перевод Л. М. Поповой. М., 1961. С. 38.

⁴ См., например, в работе, специально посвященной этому сообщению Галла: *Barnat R.* Siły zbrojne Bolesława Chrobrego w świetle relacji Galla Anonima // *Przegląd Historyczny*. Т. 88 (1997). Z. 2. С. 223–235.

⁵ См. обзор археологических данных (главным образом, захоронения с оружием), позволяющих локализовать пункты размещения военных сил раннепьястовской монархии: *Kara M.* Siły zbrojne Mieszka I // *Kronika Wielkopolski*. Nr. 3 (62). Rok 1992. Poznań, 1993. С. 33–47.

⁶ Последняя публикация, где ученые изложили свое видение этой «модели»: *Třeštík D., Žemlička J.* O modelech vývoje přemyslovského státu // *Český časopis historický*. Т. 105 (2007). С. 122–164. Ср. на русском языке см.: *Жемличка Ё., Марсина Р.* Возникновение и развитие раннефеодальных монархий в Центральной Европе (Чехия, Польша, Венгрия) // *Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI–XII вв.)*. М., 1991. С. 167–189 (о «государственной дружине» говорится на с. 168).

⁷ См.: *Перишиц А.И.* Данничество // *Свод этнографических понятий и терминов*. [Вып. 1:] Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986. С. 45–46.

⁸ *Жемличка Ё., Марсина Р.* Указ. соч. С. 169. См. также: *Žemlička J.* Čechy v době knížecí (1034–1198). Praha, 1997. С. 50–51.

⁹ Обзор польской литературы по поводу возможности применения понятия «большая дружина» к Польше см. в одной из последних работ: *Jurek T.* Geneza szlachty polskiej // *Ślechta, moc a reprezentacja we średowieku* / Ed. M. Nodl, M. Wihoda. Praha, 2007. С. 70.

¹⁰ Собственно дружину как узкий круг людей, состоящих на службе вождя, князя или магната, называют «*družyna przyboczna*» или «*ścisła*» (личная). Обычно считается, что она была известна у славян на догосударственном этапе и в каких-то пережиточных формах сохранялась после распада «большой дружины» с середины XI в. еще до конца XII в. и даже позже. См., например: *Łowmiański H. Początki Polski. Z dziejów Słowian w I tysiącleciu n.e. T. IV. Warszawa, 1970. С. 460 и след.; Bogacki M. Przemiany w wojskowości polskiej od połowy X wieku do 1138 roku. Kształt i organizacja armii. Toruń, 2007.*

¹¹ Данные из разных регионов средневековой Европы, укладываемые в модель «большой дружины», обобщены в работе: *Стефанович П.С. «Большая дружина» в ранних государствах Европы // Средние века. Вып. 73 (3/4). М., 2011 (в печати).*

¹² *Шинаков Е.А. Образование Древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект. М., 2009. С. 295–297.*

¹³ *Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Статьи, переводы и комментарии. Харьков, 1956. С. 146.*

¹⁴ Ср., например: *Łowmiański H. Op. cit. С. 177.*

¹⁵ См., например: *Голден П.Б. Государство и государственная власть у хазар: власть хазарских каганов // Феномен восточного деспотизма. Структура управления и власти. М., 1993. С. 211–233.*

¹⁶ *Ковалевский А.П. Указ. соч. С. 264.*

¹⁷ См., например: *Петрухин В.Я. Становление государств и власть правителя в германо-скандинавских и славянских традициях: аспекты сравнительно-исторического анализа // Общественная мысль славянских народов в эпоху раннего средневековья / Отв. ред. Б. Н. Флоря. М., 2009. С. 113.*

¹⁸ См., например, в рассказе Ибн Мискавейха о нападении «русов» на Берда'а в 944/945 гг.: Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. Т. III: Восточные источники. Составители: Т. М. Калинина, И. Г. Коновалова, В. Я. Петрухин. М., 2009. С. 104. Археологи иногда находят захоронения слуг с господами (главным образом, в так называемых камерных погребениях), см., например: *Блифельд Д.І. Давньоруський могильник в Чернігові // Археологія. Т. XVIII. Київ, 1965. С. 130–131, 134–135.*

¹⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 218–219.

²⁰ Повесть временных лет / Подгот. текста, перевод, статьи и коммент. Д.С. Лихачева. Под ред. В. А. Адриановой-Перетц. Изд. 2, испр. и доп. Подгот. М.Б. Свердлов. СПб., 1996 (Изд. 1 – 1950 г.). С. 230.

²¹ См. статью «Лихо» в «Словаре древнерусского языка (XI–XIV вв.)» (Т. IV. М., 1991. С. 407).

²² Немецкий перевод Мюллера выглядит так: «Wenn du ihrer auch 8 000 aufstellen würdest, ist das dir nich übermäßig viel. Unser Land ist arm geworden vom Krieg und von Abgaben» (Die Nestorchronik: die altrussische Chronik, zugeschrieben dem Mönch des Kiever Höhlenklosters Nestor, in der Redaktion des Abtes Sil'vestr aus dem Jahre 1116, rekonstruiert nach den Handschriften Lavrent'evskaja, Radzivilovskaja, Akademiceskaja, Troickaja, Ipat'evskaja und Chlebnikovskaja und ins Deutsche übersetzt von Ludolf Müller // Handbuch zur Nestorchronik, hrsg. von Ludolf Müller. Bd. IV. München, 2001. С. 258.

²³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 209.

²⁴ *Свердлов М.Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С. 204. Чтение Ипатьевской летописи как более правильное принимал и А. А. Шахматов: Шахматов А.А. Повесть временных лет. Т. 1. Вводная часть. Текст. Примечания // Шахматов А.А. История русского летописания. Т. I. Кн. 2. СПб., 2003. С. 854.*

²⁵ Древнейшие упоминания княжеских и боярских отроков в летописи находятся совсем рядом. В знаменитом рассказе о гибели князя Игоря в полюдь у древлян отроками названы военные слуги Свенельда, а затем в рассказе о мести Ольги древлянам упоминаются ее отроки (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 54, 57). Об отроках см.: *Мрочек-Дроздовский П.И. Исследования о Русской Правде. Вып. 2: Текст Русской правды с объяснением отдельных слов. М., 1885. С. 223–226.*

²⁶ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 128–129. В Лаврентьевской летописи с дефектами в передаче текста: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 80.

²⁷ *Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах // Шахматов А.А. История русского летописания. Т. I. Кн. 1. СПб., 2002. С. 107–108.*

²⁸ Повесть временных лет. С. 451.

²⁹ См. в той же летописной статье о Владимире: «бе бо женолюбець, яко у Соломона бѣ бо, рече, жень семьсот, а наложниць 300» (Новгородская первая... С. 129). Ср. в Библии: III Царств, XI, 1.

³⁰ *Konnev A.[B.]*, Fornicator immensus – о «гареме» киевского князя Владимира Святославича // *Russian History/Histoire Russe*. Vol. 31 (2004), № 1–2. С. 1–4, 33. Признавая остроумие этих сопоставлений Коптева, я, тем не менее, скептически отношусь к теории, которую он развивает в данной работе, о том, что якобы древнерусская дружина представляла собой «мужской союз».

³¹ Новгородская первая... С. 168. Текст в ПВЛ имеет несколько разночтений, из которых главное состоит в исправлении с пояснением о принятой практике выплат: «и тако даяху [вси] посадници новгородьстии» – т.е. представители киевского князя в Новгороде указаны не князья, как в Начальном своде, а посадники (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 130; Т. 2. Стб. 114–115). Для данной темы эти разночтения не имеют значения.

³² *Горский А.А.* Древнерусская дружина. М., 1989. С. 49–50.

³³ Перевод на русский язык фрагментов саги, касающихся Руси, и комментарии см.: *Мельникова Е.А.* «Сага об Эймунде» о службе скандинавов в дружине Ярослава Мудрого // *Восточная Европа в древности и средневековье*. Сборник статей. М., 1978. С. 289–295.

³⁴ Согласно выводу А. В. Назаренко, представляющему вполне обоснованным, древнерусская денежная гривна была в первую очередь счетной единицей и являлась собственно «двадцаткой дирхемов» (*Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001. С. 147). Если переводить гривну на вес, получается, что весила она около 50–60 г (вес дирхема в X в. составлял от 2,5 до 3 г).

³⁵ *Мельникова Е.А.* Указ. соч. С. 293.

³⁶ Это следует из его описания того, какими монетами украшали себя женщины руси: «если человек (из руси. – *П.С.*) владеет десятью тысячами дирхемов, то он справляет своей жене один [ряд] мониста, а если владеет двадцатью тысячами, то справляет ей два [ряда] мониста, и таким образом каждые десять тысяч, которые он прибавляет к ним [дирхемам], прибавляют [ряд] мониста его жене, так что на шею иной из них бывает много [рядов] монист» (*Ковалевский А.П.* Указ. соч. С. 141).

³⁷ Ст. 36 «Правды Ярославичей», см.: *Российское законодательство X–XX вв.* Т. 1. М., 1984. С. 49.

³⁸ *Литаврин Г.Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). СПб., 2000. С. 89, ср. также с. 126; *Филичук О.* Скільки коштував руський найманець у Візантії в X ст.? // *Ruthenica*. Т. VII (2008). С. 14, 17, ср. также с. 24, 29. В XI в. годовой доход в 30 номисм был уже, видимо, чем-то исключительным и для большинства наемников далеко не достижимым.

³⁹ Статья 6523 (1015) г.: Новгородская первая... С. 168; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 130.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 249.

⁴¹ По летописи, уже Игорь с Олегом «нача грады ставити» (Новгородская первая... С. 107; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 23). Под 6496 (988) г. летопись сообщает, что Владимир Святославич «нача ставити городы» вокруг Киева и «нача порубати мужи лучшийи» в них (Новгородская первая... С. 159; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 121).

⁴² *Шахматов А.А.* Предисловие к Начальному Киевскому своду и Несторова летопись // *Шахматов А.А.* История русского летописания. Т. I. Кн. 2. С. 399–400, 410; *Гиппиус А.А.* Предисловие к «Софийскому временнику» (Киевскому Начальному своду): текст, язык, источники // *Русский язык в научном освещении*. 2010. № 2(20). С. 179–180, 191–192.

⁴³ Новгородская первая... С. 104. Ошибки и пропуски текста в рукописи восстанавливаются по реконструкции «Предисловия» в статье Гиппиуса: *Гиппиус А.А.* Указ. соч. С. 165.

⁴⁴ *Гиппиус А.А.* Указ. соч. С. 184.

⁴⁵ См.: *Горский А.А.* Указ. соч. С. 50–54.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 660.

⁴⁷ *Halbach U.* Der russische Fürstenhof vor dem 16. Jahrhundert: eine vergleichende Untersuchung zur politischen Lexikologie und Verfassungsgeschichte der alten Ruß, Stuttgart 1985. С. 175, 193 и след.; *Назаров В.Д.* «Двор» и «дворяне» по данным Новгородского и Северо-Восточного летописания // *Восточная Европа в древности...* С. 108–115.

⁴⁸ Новгородская первая... С. 40 и др.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 763–764.

⁵⁰ См.: *Паушто В.Т.* Черты политического строя древней Руси // *Древнерусское государство и его международное значение*. М., 1965. С. 49–50.